

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253; 008(1-6)
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_100
EDN RYDQSK

**Рецепция культурологием Запада и Востока
в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе рассмотрена актуальная научная историко-литературная, историко-культурная проблематика: отражение, рецепция культурологием, мифем Запада и Востока в художественном сознании русских поэтов и писателей рубежа XIX – начала XX столетий: отчасти в символизме и преимущественно в неореализме, его ценностных установках, эстетике и поэтике на уровнях мотивов, архетипов, микрообразности.

Проблема рассмотрена в контексте художественно-онтологических и эстетических характеристик русской литературы обозначенного периода, а также литературы 1920–1930-х годов. Выдержаны монографический и тематический подходы к материалу, что позволило преодолеть искусственный разрыв наследия писателей на периоды и увидеть творческий поиск в единстве их мировоззренческих и эстетических устремлений.

В статье систематизированы личностно-биографические и типологические историко-литературные мотивы влечения русских мастеров слова к Востоку и Западу, конкретизирован мотив преодоления ментальных противоречий между ними; описаны порождённые обозначенной тенденцией художественные типы; последние представлены в контексте творческой эволюции писателей. Выдержанная в статье методология анализа, интерпретации художественных сочинений, публицистики, эпистолярная обусловила оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства, дополнение сложившихся представлений о внутренней динамике литературного процесса. Откорректированы также научные точки зрения на преемственность разных периодов в русской литературе: рубеж веков, 1917 год,

1920–1930-е годы. Даны новые оценки многим не только известным, но и не введённым в широкий научный, читательский оборот произведениям.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения, творчества поэтов, писателей с мифемами Запада и Востока позволили увидеть совсем другие, нежели принято считать, ориентиры литературы в постижении национальных традиций, противоречий интеллигентского сознания, духовного бытия русского человека.

Ключевые слова: русский неореализм; традиции в русской литературе, культуре; духовный мир русского человека; концепты национального бытия в искусстве; рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе; поэтика прозы; миф, мотив, архетип

Для цитирования: Иванов Н. Н. Рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий. № 2 (16). С. 100-116. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_100. <https://elibrary.ru/RYDQSK>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature at the turn of XIX – early XX centuries

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The work deals with the actual scientific historical, literary and cultural problems: reflection and reception of culturologemes, mythemes of the West and the East in the artistic mind of Russian poets and writers at the turn of XIX – early XX centuries: partly in Symbolism and predominantly in Neorealism, in its attitudes, aesthetics, and poetics at the levels of motifs, archetypes, and micro-imagery.

The problem is considered in terms of artistic, ontological, and aesthetic characteristics of Russian literature of the above mentioned period, as well as the literature of the 1920s-30s. Monographic and thematic approaches to the material help to overcome the artificial division of the writers' heritage into periods and to see their creative pursuits in the unity of their world outlook and aesthetic aspirations.

The most significant results of the study are as follows: personal biographical and typological historical-literary motifs of the Russian writers' attraction to the East and the West are systematized and the motive of overcoming mental contradictions between them is specified; the artistic types generated by this trend are described and presented in the context of the writers' creative evolution. The methodology of the analysis, interpretation of literary works, journalism, epistolary works, determined an original view of

the problem of creative writing, supplementing the existing ideas about the internal dynamics of the literary process. The author has revised scientific points of view on the continuity of different periods in Russian literature (the turn of the century, 1917, the 1920s-1930s) and given new assessments of many works, not only well-known, but also not presented to a broad circle of scientists and readers.

Close and fruitful connections of Russian writers' worldviews and their works with the mythemes of the West and the East reveal, unlike it used to be generally accepted, quite different literary landmarks in comprehending national traditions, intelligentsia's mental contradictions and the Russians' spiritual existence.

Keywords: Russian Neorealism; traditions in Russian literature, culture; the spiritual world of the Russians'; concepts of national existence in art; reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature; poetics of prose; myth; motive; archetype

For citation: Ivanov N. N. Reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature at the turn of XIX – early XX centuries. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16): 100-116. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_100. <https://elibrary.ru/RYDQSK>.

Введение

Положение России в Мире – особое. Наблюдаемые сегодня цивилизационные сдвиги имеют глубинные корни, уходящие в народные традиции, сложные, не описываемые линейной геометрией сферы духовного бытия и национального сознания русских людей. Вопросы о России, русском народе, находящиеся между Западом и Востоком не только географически, но и духовно, остающиеся при этом самодостаточными, уникальными и одновременно, как писал Ф. М. Достоевский, всемирными, поставлены русской философией, искусством, публицистикой, по меньшей мере, уже в середине XIX столетия; пульсацию этого нерва напряжённого поиска наблюдаем в сочинениях К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, братьев Аксаковых и Л. Н. Толстого.

Памятен и легендарный панмонголизм В. Соловьёва, магнетически влиявший на мироощущение русского символизма, прежде всего, А. А. Блока; не остались в стороне ключевые фигуры футуризма – например, В. Хлебников. Глубокие, уникальные интерпретации поднятой проблемы наблюдаем в творчестве М. Горького, Л. Н. Андреева, М. М. Пришвина, И. А. Бунина, многих других выдающихся отечественных мастеров слова.

Русскую литературу, изобразительное искусство, театр мудрость Запада и мудрость Востока интересовали в возможных проекциях на скрытые потенции общества, человека. Важно учитывать, что в творческой среде идеологемы, мифемы Запада и Востока осмысливались неоднозначно. Это определялось и личностными устремлениями, и эстетическими принципами, и,

наконец, субъективными взглядами, пристрастиями, симпатиями. Но, в любом случае, мы видим талантливые высокохудожественные произведения литературы, живописи, театра. Противоречиями, прежде всего, ценностного характера пронизано само интеллигентское сознание рубежа веков, однако русская литература преодолела схематичные, надуманные версии Запада как воплощения индивидуализма, а Востока – симфонизма. В обоих были открыты энергии разума и гармонии, путь к высшей духовности, проявлен, как говорил Н. К. Рерих, далёкий взгляд вперёд, обращённые к России концепции мира и человека.

Полагаем, что современного исследователя литературы заинтересует конспективный обзор наметенных здесь вопросов.

Культурная оппозиция

«Запад – Восток»

в художественном сознании русской литературы

*Рецепция русской литературой
рубежа XIX – начала XX столетий
культурологем Запада и Востока
как художественно-эстетическая
тенденция*

Напряжённый художественно-эстетический поиск характеризует литературу рубежа XIX – начала XX столетий: обновление повествовательных форм, апелляция к различным верованиям, философским системам, всякого рода школам мудрости и знания [Иванов, 2020]. Тен-

денция охватила не только неореализм и символизм, но даже футуризм. Она состояла в новом прочтении, открытии мифа, народной культуры, христианства в его неохристианском изводе, языческой культуры в изводе неоязыческом. Тенденция была порождена стремлением русской творческой интеллигенции поновому, с учётом реалий рубежа веков, пересмотреть, откорректировать поставленные, но нерешённые литературой XIX века проблемы: ценности личностного бытия, человек и его место в мире, перспективы развития нации. На этой волне и возникло влечение к мифемам, культурологемам Запада и Востока.

Неповторимый в каждом направлении, индивидуальности, отдельном произведении интерес к Западу и Востоку имеет определённую типологию. Исключительность творческих персоналий начала XX столетия не отменяет глубинных связей между ними. Художественное сознание русского символизма, неореализма, каждое по-своему, впитало сакральные смыслы масонства, эзотерики, антропософии, даосизма, дзен-буддизма. М. М. Пришвин, вспоминая одно из первых своих посещений Петербургского религиозно-философского общества в сопровождении А. М. Ремизова, отметил, как Ремизов неформально разделил бывавших там философов, поэтов, писателей на *своих* и *иностранцев*: свои – Розанов, он, Ремизов; *иностранцы, сектанты* в русской ли-

тературе – Мережковский, Блок [Пришвин, Наши берега ... ; Пришвин, Письмо Ремизову ...]. Подоплёка такого субъективно-эмоционального деления угадывается, но мысль, культурологемы Запада влияли на художественное сознание более широкого круга творческой интеллигенции.

Уникальным порождением западной мысли является эзотерика. Это синтетичное учение во многом, однако, взаимодействует с философией Востока. Праотец эзотерики – библейский Адам [Колесов, 2009], имевший последователей в лице пифагорейцев и орфиков, алхимиков и розенкрейцеров; в этом ряду достойных мудрецов можно лицезреть и Платона, и Гермеса Трисмегиста. На рубеже XIX – XX столетий эзотерические идеи развивали Р. Штайнер, Е. П. Блаватская. Эзотеризм, антропософия были востребованы русской литературой, философией, культурой; центром интереса к ним стало Петербургское религиозно-философское общество. Лекции, эксперименты Штайнера по расширению сознания существенно повлияли на личность молодого поэта и прозаика А. Н. Толстого, о чём он восторженно сообщал из Германии своими многочисленным респондентам [Переписка А. Н. Толстого. Т 1, 1989].

В отличие от А. М. Ремизова или М. М. Пришвина, М. Горького сложно отнести к частым гостям Петербургского религиозно-философского общества. Более то-

го, уже в советскую эпоху истории литературы открылись его противоречивые и даже негативные суждения в адрес представителей этого легендарного собрания русской творческой интеллигенции. Тем не менее Горький свободно ориентировался в теории и практике эзотеризма, антропософии, масонства, что подтверждает, в частности, характер помет на полях книг, изученных нами в его личной библиотеке в Москве в особняке Рябушинского [Личная библиотека А. М. Горького в Москве, 1981]. Подходы Горького к «живому знанию» были разносторонними; обширен и разнотемный круг его чтения, охвативший антропософию и эзотерику, индуизм и дзен-буддизм, даосизм и современную Горькому науку о человеке: «Мир как воля и представление», «Духовидение» А. Шопенгауэра, Трактаты даосских мудрецов, «Книга перемен», «Рефлексы головного мозга» И. Павлова.

Западные мессианство и исключительность: между масонством, ницшеанством и учителем Христом. Оппозиция культуры и жизни. Учитель-мессия в интерпретации М. Горького и М. Пришвина

В западной культурной традиции сформировалось и масонство; русские писатели предложили свои художественной версии этого учения, одним из таких авторов был М. Горький. Горьковские рефлексии относительно проблематики масонства буквально рассыпаны по

страницам и автобиографической трилогии, и навеянных странствиями, бродяжеством циклов рассказов, например, «По Руси». Развёрнута масонская тема и в повести «Жизнь Клим Самгина».

Юного Алексея Пешкова масонская мудрость захватила гипнотически; истории о вольных каменщиках очаровали его. Чтение тайных книг осмыслено как один из этапов духовного роста автобиографического героя повести «В людях». Улавливается даже некая претензия на исключительность, причастность к посвящённым, в отличие от профанов, находящихся за пределами масонского круга.

Юноше лестно оказаться в поле притяжения Адама или орфиков, узреть себя в тени Фауста. Подобное каплям мёда желанное знание формирует личность. История Адама, получившего мудрость Свыше, тонко, ассоциативно отзывается в сюжете повести «В людях». В финале же автобиографической трилогии, в повести «Мои университеты», звучат другие мотивы, но подготовленные предшествующими. Добравшись до берегов Каспия, примкнув к небольшой артели рыболовов, герой Горького входит в мир ещё более широкий, чтобы реализовать миссию учительства. Если в повести «В людях» он учился, постигал книжную премудрость, если в повести «Мои университеты» снова учился, ещё более осваивая, как он писал, «тугие узлы и петли загадок бытия», то

по завершении трилогии он готов учить сам. Упоминание Каспия, артели рыболовов – это аллегорические отсылки к евангельской истории, включение в свой текст текста чужого, но узнаваемого: призвание Христом первых учеников из артели рыболовов на море Галилейском. Горький не настаивает на этой параллели открыто, но сопоставление прочитывается. Алексей Пешков вступает в новый круг развития, где его, уже познавшего мудрость, ждут великие дела: не учение, но учительство. Логичное завершение пути главного героя в повести, но только не в литературной его судьбе. Финал трилогии открыт.

Несколько ранее, в 1913 году, Горький укрупнил, детализировал ряд фактов своей биографии в повести «Хозяин», наполнил её сакральным смыслом. Странствуя по Руси, Алексей пришёл в Казань; в преддверии зимы нужно было искать крышу и хлеб. Так он оказался в булочной Василия Семёнова. Формально, сюжетно излагается постижение профессии хлебопёка, знакомство с трудным бытом простых русских людей, очень далёких от архетипа богочеловека. Аллегорично же писатель ненавязчиво вводит в повествование, варьирует глубинные библейские смыслы, а бытовые детали получают бытийное наполнение: мука, закваска, хлеб – все детали архетипичны и накладываются на евангельские речения о хлебе едином, о пище

телесной и духовной, о тонкой грани между телом и душой.

Горький представлял жизнеустройство идеальным, если оно сотворено по законам искусства, красоты. И такая тенденциозность – следствие писательских предпочтений: книга, книжность доминируют над жизнью; идеальный мир выше материального. Идеализация книги, знания, идея учителя – ведущие личностные характеристики М. Горького – человека, мыслителя. Первая часть автобиографической трилогии, повесть «Детство», начата около 1914 года. Учитель – это человек культуры, но Пешков не был таковым официально. Он не имел никакого, подтверждённого дипломом образования, не владел иностранными языками, не играл на музыкальных инструментах. Прожив в Италии более 13 лет, не выучил итальянского – одного из самых простых европейских языков. Латынь, как известно, основа европейской университетской образованности. Любопытный факт: евангельские аллюзии прочитываются даже в биографии М. Горького. Алексей Максимович мог поприветствовать на итальянском рыбаков на пристани в Сорренто, куда ходил за свежей рыбой; первые ученики Христа были простыми необразованными людьми, рыбаками, например, но стали христианским подвижниками.

Роль демиурга, мироустроителя Горький, называвший себя человекопоклонником, отводил человеку

будущего; однажды он написал Л. Н. Толстому, что его человек – это «вместилище Бога живого», которого он понимал как «неукротимое стремление к совершенствованию, к истине и справедливости» [Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2, 1987, с. 377]. В этом письме отчётливо просматриваются исключительно западные философские индивидуализм, волюнтаризм – нищезанятие. Отражением, точнее, воплощением данной философии станут героиндивидуалисты, нищезанятцы так называемых ранних романтических рассказов Горького: «Старуха Изергиль», «Челкаш» и других. Заявленная позиция продублирована в письмах бесчисленным горьковским адресатам, например, Е. К. Малиновской, 1904 г.: «Вера в силы мысли – живое, постоянно, вместе с мыслью растущее чувство, гордое и свободное – это вера человека в себя самого <...> Гармония в человеке – слияние чувства и мысли в одно пламя, в одну могучую сущность» [Переписка М. Горького. Т. 1, 1986, с. 250]. И вновь при упоминании пламени как личностной характеристики человека возникает тема огнепоклонничества, возможно, христианская, возможно, ещё более древняя – зороастрийская; а где-то рядом – образное воплощение столь величественной идеи – сердце Данко.

Аналогичный по тематике материал, но в ином оценочном поле, представлен в сочинениях, дневни-

ках М. М. Пришвина. Потомственным аристократом как И. Бунин, как А. Н. Толстой, он не был [Нежданый, как цветок над бездной, 2020]. Дворянин в 3 поколении: из купцов елецких, но дед, по отцу, Дмитрий, купил дворянское имение; далее Михаил Дмитриевич – второе поколение дворян, далее Михаил Михайлович – дворянин в третьем колене. Пришвин, однако, противоречие культуры (книги) и жизни (земли) видел глубже Горького, трактовал его иначе. В Елецкой гимназии Пришвин учился у Василия Розанова, затем в Риге, затем в Лейпциге, в том же университете, в котором учился Гёте, о чём автор этих строк писал не раз; Пришвин очень неплохо владел языком Фауста и Гёте – немецким. Трагизм противоречия культуры, интеллигентского мессианства, учительства и жизни, построенной от земли, Пришвин развернул в повести «Мирская чаша»; показал недалёковидность, опасность модели жизнедеятельности по культурным идеологемам, художественным законам. Движение, ход, ритм жизни определяют законы иные: солнцеворот, рост зерна; зерно растёт, пока солнце совершает небесный круг, медленно, и ускорить это движение революционными методами и невозможно, и преступно. Ещё преступнее переделывать природу человека. Горький думал по-другому. Лейтмотивом этой повести стал тезис о народе, живущем хлебом и только хлебом, об интеллигенции, предпочитающей

книгу, но книгой сыт не будешь. Главный герой – учитель Алпатов – выслушивает контрдовод относительно учительства. Народный аргумент состоит в том, что учитель, как Христос, может ходить, учить и не работать. И за подобными утверждениями Пришвин усмотрел противоречие как между интеллигенцией и народом, так и между культурой и жизнью.

В 1920 – 1930-е годы Горький оказался в самом центре идеологов и творцов нового мира и, следуя духу времени, оставаясь верным идеалистическим (умозрительным, отвлечённо-книжным) представлениям о человеке, увлёкся проектами физического бессмертия и вечной жизни, победы над природой и смертью [Спиридонова, 2016]. Противоречие между социальным и личным ушло на второй план. Идеи писателя о власти разума над «всеми тайными силами» земного богатства вдохновляли создание так называемого Института человека – вполне реального и конкретного проекта. К людям подобного типа Горький причислял и «мудреца» М. Пришвина, в книгах которого читатель встречает не природу, а «Землю, Великую Матерь нашу» [Горький, 1949 – 1955. Т. 24, с. 266; Иванов, 2022].

*Романтика Востока.
Панмонголизм. Две души
русского человека*

В сторону Востока русские литераторы смотрели не менее при-

стально, чем на Запад. Интерпретации, однако, были совершенно различными. Панмонголизм В. Соловьёва стал эпиграфом поэмы А. Блока «Скифы», 1918 г.: «Панмонголизм! Хоть имя дико, но нам ласкает слух оно...». Александр Блок – петербургский университетский интеллигент, западный человек, каким его видел А. Ремизов, с весомой долей немецкой крови, за Уралом никогда не бывавший, но поэма избилует восточноцентристскими акцентами, вектор Русского Мира в ней направлен на Восток, миллионам людей Запада противопоставлены тьмы Востока.

М. Горькому импонировала аксиома о религиозном дуализме русского народа, в нашей оценке – спорная; в его версии этот дуализм – как христианство и язычество, так и Запад и Восток, открытые им в национальной истории, культуре, русском христианстве, в мифологии и фольклоре и знаковых для Горького людских типах, подвергшихся пристальному авторскому исследованию.

В этом плане показательна статья «Две души», опубликованная в декабрьском номере журнала «Летопись» за 1915 год. Горький назвал человека Востока рабом и слугой своей фантазии, творцом основных религий и противопоставил его человеку Запада – вождю и хозяину своей мысли. Развивая это противопоставление, Горький как и ранее, как будет и позднее, следует своей концепции культуры, дей-

ствия, активности как критериев в отношении к человеку и подводит читателя к главному, заявляя, что «у нас, русских, две души: одна – от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя <...> а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина» [Горький, 1918, с. 180]. В этой статье, как и в письме Малиновской, Горький, характеризуя духовный мир, прибег к огненной символике, когда говорил о душе славянина, которая может вспыхнуть и гореть красиво и ярко.

Оппонируя автору статьи «Две души», Л. Н. Андреев увидел и в ней, и в журнале «Летопись» философию того самого славянина, пассивного и бездеятельного, «мрачный пессимизм, слабование и пассивность которого столь настойчиво противопоставляются яркой активности воюющего Запада» [Андреев, 1916, с. 110]. 9 марта 1916 г. Горький, очень расстроенный, писал В. Брюсову по поводу статьи: «Я знаю, что статья написана неумело и что вообще публицистика – не моя работа» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 354].

В творчестве Горького широко представлен тип бродяг [Леднева, 2008]. «Всё это – никудышный народ, мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или – лентяи, опьяненные широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству» [Горький, 1987. Т. 4, с. 406, 407]. География бродяг подчинена мотиву поисков иного цар-

ства: «По стене хаты расплзлись трещины и вместе с язвами выкрошившейся известки сделали стену картой какой-то неведомой страны» [Горький, 1987. Т. 4, с. 433].

Вот горьковские интерпретации русской истории и фольклора как отражение национального пессимизма и фатализма, продуцированных менталитетом Востока. В июле 1910 г., за пять лет до статьи «Две души», он запрашивал у профессора Н. Ф. Сумцова книгу А. А. Потебни «О доле и сродных с нею существах», чуть позже настойчиво конкретизировал свой интерес: «Я искал эту книгу четыре года <...> Статью Потебни «О доле и сродных и т. д.» искал два года <...> Нет ли у Потебни статей, аналогичных статье «О доле», не знаете ли Вы других авторов, писавших о доле, судьбе, подсудьбинках? Очень прошу ответить» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 226]. В январе 1912 г. он обратился к Д. Н. Овсяннико-Куликовскому: «Три Ваши книги получил <...> Очень просил бы прислать и Ваши работы по мифологии» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 214]. В плане расстановки акцентов красноречиво письмо этнографу З. И. Харциеву, май 1912 г.: «Странное дело: века народ русский поёт и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побеждённый, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле» <...> Надобно бы нам заняться изучением корней психики и мироощуще-

ния народа-то нашего!» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 241].

Русские типы, захваченные буддийскими идеями: национальный гений Л. Н. Толстой; величайший интуитивист современности – Н. Рерих

Смерть Л. Н. Толстого стала для М. Горького сильным ударом: их связывали давняя дружба, тесные писательские отношения. Отметим одну, типологическую, сторону его реакции, развёрнутой в письме супруге – Е. П. Пешковой. В письме, как в публицистической статье, Горький рассуждает о восточном, славянском, русском, пассивизме. Письмо сочинено за пять лет до статьи «Две души». «Ты знаешь, как ненавистна мне эта проповедь пассивного отношения к жизни, ты должна понять, как пагубны буддийские идеи в стране, насквозь пропитанной фатализмом <...> Но, как национальный гений, он отразил в себе все дурные свойства нации, все уродства, нанесённые ей историей, и его проповедь – отрыжка древности глубокой, кипение татаро-финской крови, коя, видимо, химически враждебна Западу» [Переписка Горького. Т. 1, 1989, с. 425]. Концепция фатализма страны выглядит как надуманной, так и глубоко продуманной: возможно, где-то вычитанной или от кого-то услышанной ещё в молодости. Примечательно, что мотивов национального фатализма, осмысливаемых бы автобиографическим

героем, в повести «Мои университеты» не встречается.

В одном из писем А. В. Луначарскому: «У лучших представителей нашей литературы – преобладает мироощущение фаталистическое и <...> такие колоссы, как, например, Толстой, – вполне национальны. Весь русский фольклор пропитан фатализмом: возьмите учение о судьбе, Долях, Горе-Злочастье и общее, всюду в сказках и песнях выраженное убеждение в том, что воля человека – бессильна в борьбе с окружающими её таинственными и непобедимыми волями <...> русская интеллигенция наиболее дееспособна и духовно бодрa именно тогда, когда она живет активными идеями и настроениями Запада. Тут – как бы борьба двух кровей: арийской – славянской, побуждающей к возрождению и слиянию с Западом – и монгольской – отравленной фатализмом, стремящейся к покою» [Переписка Горького. Т. 1, 1989, с. 441, 442].

Адепта Востока Н. К. Рериха М. Горький называл «прорицателем», «величайшим интуитивистом современности» [Кузнецова, 2000, с. 224]. Н. Рерих оставил воспоминания, написал о М. Горьком два очерка; оба – в Индии: «Горький», 1936; «Голос Горького», 1941. Допускаем, что интерес Горького к личности, искусству Рериха продиктован стремлением увидеть в творчестве «величайшего интуитивиста» отражение или воплощение «двух душ» русского человека, но уже в иной, нежели у самого Алексея

Максимовича, версии. В принадлежности Рериха к типу русско-славянско-восточному Горький не сомневался.

10 октября 1947 г. Рерих написал бывшему секретарю Л. Н. Толстого В. Булгакову: «Во-первых, А М выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного Всадника – Гималайские, и я почувял, что в них А М тянулся к Востоку» [Булгаков, 1969, с. 290 – 291]. Узнав о смерти Горького, Рерих пишет в очерке о нём: «Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шёл путём русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной» [Рерих. Из литературного наследия, 1974, с. 399, 400]. В очерке «Друзья» Н. К. Рерих в числе своих друзей называет и Л. Н. Андреева [Беликов, 1968].

Малоизвестный факт: в годы идеологического неприятия творчества Н. Рериха советской властью Горький буквально спас несколько его картин, разместив их в столовой на своей даче в Горках, позднее передал Художественному музею родного города. В настоящее время эти картины можно увидеть среди других работ Рериха в экспозиции Нижегородского государственного художественного музея (всего восемь): картина «Соглядатаи», 1900; эскиз декорации к опере А. Бородина «Князь Игорь»; «Половецкий стан»; «Тропа прямоезжая», 1912; несколько других.

В середине 1920-х Рерих с семьёй совершил экспедицию на Восток: Индия, Китай, Монголия. Экспедиция длилась несколько лет. Тогда же была написана серия картин «Майтрейя»: «Мошь пещер», «Твердыни стен», «Шепоты пустыни (Сказ о Новой Эре)», «Знамя грядущего», «Майтрейя победитель», «Конь счастья». Эти картины и спас Горький.

В картинах Рериха доминируют золотистый, лимонный, багряный и оранжевый цвета. Эти картины дополнили представления Горького о Востоке: природе, истории, мифологии Индии, Китая, Тибета.

На картине «Соглядатаи» разведчики-кочевники, посланцы степи, внимательно изучают из-за укрытия русский город. Лиц не видно, и о реакциях можно лишь догадываться. Вероятно, они потрясены новым, чудным миром. Картина является обобщённым рассказом о встрече двух цивилизаций – Востока и Запада, при этом в роли Запада выступает русский, славянский, город. Эта картина тематически перекликается с другой – «Половецкий стан».

Эскиз декорации к опере А. Бородин «Князь Игорь» отсылает зрителя как в русское Средневековье, так и в героические эпохи древности; о сказочной, мифологической древности, о героическом былинном прошлом говорит и картина «Тропа прямоезжая».

Серия картин «Майтрейя» детализирует индийскую мифологию. Рерих созвучен Горькому по всем

означенным выше направлениям: имеются в виду горьковские выкладки относительно теории двух душ русского человека. В каком-то смысле, и небезосновательно, Горький узнал в Рерихе того самого кочевника-монгола, о котором он, Горький, писал много и настойчиво.

«На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой, как это хорошо, и до чего наше, русское, мое! А разум сердится, свирепо кричит: да ведь это же бесформенная путаница слепых чувств, нелепейшее убожество, с этим жить – нельзя, не создашь никакого «прогресса»! И – начинается бесплодное борение двух непримиримых отношений к России: не то она несчастная жертва истории, данная миру для жестоких опытов <..> не то Русь сама себя научает тому, как надо жить <..> Отсюда видишь, что Русь, при всей душевной спутанности своей, чувствует жизнь острее, шире, а к издевкам её относится более человечески обидчиво, чем, напр., немец. Может быть, и бестолковые, но мы более бесстрашно пытаемся развязать тугие узлы и петли загадок бытия» [Переписка Горького. Т. 2, 1986, с. 165, 166, 167].

Русский интеллигент Клим Самгин

Название журнала «Летопись», на страницах которого была опубликована статья «Две души», отражает позицию редакции, направленность журнала: спокойное, размеренное повествование о событиях окружающей действительности.

В повествовательной манере выдержана и окурковская диалогия М. Горького – романы «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». В такой же манере беспристрастного повествования написан и главный труд Горького – книга об истории русской интеллигенции, не роман, а именно повесть, «Жизнь Клим Самгина». Главный герой Клим Самгин не живёт «активными идеями и настроениями Запада», не стремится к слиянию с ним, сложно предположить наличие у него арийской крови.

Вступая в профессиональную журналистику, литературу, М. Горький в качестве корреспондента оказался на Нижегородской торгово-промышленной выставке и в национальном павильоне открыл для себя исполнительницу былин Арину Федосову, затем посвятил ей очерк «Вопленица». Примерно то же проделал и Самгин; автобиографический мотив очевиден. В подтверждение приведем впечатления Самгина: «Федосова начала сказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо <...> Умом он понимал, что ведь матёрый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил, и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешечки» [Горький, 1949 – 1955. Т. 8, с. 773].

Воспитание Клим не отличалось почвеннической направленностью, обострённого интереса к русской истории, культуре он не проявлял. Скорее всего, Самгин не знал былинной географии, чего не скажешь о М. Горьком, наделившем мифологизированного персонажа былинного эпоса теми чертами, которых тот изначально не имел. Поэтому *случайное* переселение Ильи из Муром в Рязань объяснимо, объяснимо и антропологические неточности: «зоркие степные» глаза Ильи могут быть и раскосыми, как у Майтрейи на картинах Рериха, а кровь не арийская, но с хорошей примесью степной: татарской, половецкой, и тогда наличие души «от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя», наличие монгольской крови, «отравленной фатализмом, стремящейся к покою», будет доказано. Самгин не отличается ни дееспособностью, ни духовной бодростью, не живёт он активными идеями и настроениями Запада. Героическое былинное прошлое, о котором рассказала вопленица Арина Федосова, оттеняет слабость, безволие Самгина. Горький словно «прикрылся» невведением Самгина, чтобы развернуть свои культурософские идеи и воспроизвести концепцию двух душ в образе типичного среднего русского интеллигента.

Заключение

Разностороннее изучение русской литературы рубежа XIX – начала XX столетий со стороны

сформулированной нами проблемы позволило получить значимые научные результаты. Культурологи в данной работе понимались как те ценностные, исторически сложившиеся знаковые сущности Запада и Востока, которыми определяются как индивидуальные, личностные характеристики человека, так и тенденции, закономерности национального бытия. В этом смысле культурологи Запада и Востока выступают в роли узнаваемых маркеров. Мифемы – смылоразличительные мифологизированные представления о Западе и Востоке. Русскую литературу интересовали, прежде всего, место человека среди других людей, обращённость к Небу и Земле, жизненная позиция и предназначение личности, отношение к деянию, активность и пассивизм, инструменты достижения счастья. Охватить в одной работе столь широкий круг вопросов нереально, но конкретно проговорить содержательную сторону рецепции русской литературой культурологом, мифем Востока и Запада удалось.

В статье представлена лишь часть работы по изучению эпистолярия, дневников, художественных произведений М. Горького, М. Пришвина, Л. Андреева, но и

она убеждает в правоте сделанных заключений: Запад и Восток воспринимались индивидуально, неповторимо, часто дискуссионно, но всегда талантливо и глубоко. Идеализируя культуру Запада, знание как таковое, М. Горький последовательно разрабатывал художественные типы, охваченные мессианскими идеями учительства, просвещения. Герои, воплотившие авторские устремления, отмечены исключительностью, могут быть противопоставлены окружению, толпе. И он же, Горький, с наименьшей убедительностью и глубиной писал об интуиции и интуитивизме как высочайших достижениях человеческого духа. Обе грани открытий писатель проецировал на внутренний мир русского человека, традиции и перспективы национальной жизни. М. Пришвин сходные вопросы формулировал и разрешал по-своему. Думаем, что очертить типологические сходства и отличия между разными творческими индивидуальностями нам удалось. Полагаем также, что последующая разработка намеченного здесь направления существенно дополнит сложившиеся представления и о творчестве отдельных авторов, и о всей русской литературе первых десятилетий XX века.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. О «Двух душах» М. Горького // «Современный мир». 1916. № 1. отд. 2, С. 108–112.
2. Беликов П. Ф. Рерих и Горький // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 217. Труды по русской и славянской филологии. XIII. Горьковский сборник. Тарту : Тартуский университет, 1968. С. 251–265.

3. Булгаков В. Ф. Встречи с художниками. Ленинград : Художник РСФСР, 1969. 302 с.
4. Горький А. М. Две души // Горький А. М. Статьи. 1905–1916. Петроград : Парус, 1918. 212 с. С. 174–187.
5. Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949 – 1955.
6. Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987.
7. Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3. С. 139–150.
8. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
9. Князева В. П. Н. Рерих. Москва : Искусство, 1968. 160 с.
10. Колесов Е. Н. 13 врат эзотерики. История эзотерических учений от Адама до наших дней. Пенза : Золотое сечение, 2009. 244 с.
11. Кузнецова И. Н. А. М. Горький и Н. К. Рерих // Максим Горький на пороге XXI столетия / Горьковские чтения, 1998 г. Том II. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000. С. 223 – 227.
12. Леднева Т. П. Проблема поэтики раннего М. Горького в критическом и историко-литературном осмыслении 1920-2000-х гг. (статья вторая) // Вестник Удмуртского государственного университета. Вып. 3. История и филология. Ижевск : РИО УДГУ, 2008. С. 109–122.
13. Личная библиотека А. М. Горького в Москве / Описание в двух книгах. Москва : Наука, 1981.
14. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1987.
15. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1903. 530 с.
16. Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют. Семейный дискурс русской и мировой литературы: монография / науч. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 271 с.
17. Переписка А. Н. Толстого : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1989.
18. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.
19. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 / Н. Н. Замошкина / оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
20. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.
21. Рерих Н. К. Из литературного наследия / под ред. М. Т. Кузьминой. Москва : Изобразительное искусство, 1974. 534 с.
22. Рерих Н. К. Письмо В. Ф. Булгакову от 10 октября 1947 г. // Булгаков В. Ф. Встречи с художниками. Ленинград : Наука, 1969. С. 290 – 291.
23. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е издание, измен. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. 384 с.

Reference list

1. Andreev L. N. O «Dvuh dushah» M. Gor'kogo = On Two Souls by M. Gorky // «Sovremennyj mir». 1916. № 1. otd. 2, S. 108–112.
2. Belikov P. F. Rerih i Gor'kij = Roerich and Gorky // Uchjonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 217. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. XIII. Gor'kovskij sbornik. Tartu : Tartuskij universitet, 1968. S. 251–265.
3. Bulgakov V. F. Vstrechi s hudozhnikami. = Meetings with artists. Leningrad : Hudozhnik RSFSR, 1969. 302 s.
4. Gor'kij A. M. Dve dushi = Two Souls // Gor'kij A. M. Stat'i. 1905–1916. Petrograd : Parus, 1918. 212 s. S. 174–187.
5. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works: [v 30 tomah]. Moskva : GIHL, 1949 – 1955.
6. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works: [v 12 tomah]. Moskva : Sovremennik, 1987.
7. Ivanov N. N. Kul'turnyj mifopojeticheskoj kod Vostoka v tvorcestve M. Prishvina: russkij koren' zhizni Zhen'-shen' = Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's works: the Russian root of life ginseng // Mir russkogovorjashhij stran. 2022. № 3. S. 139–150.
8. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorcestva Mihaila Prishvina = Philosophy, esthetics and poetics in Mikhail Prishvin's work: monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.
9. Knjazev V. P. N. Rerih. = Roerich. Moskva : Iskusstvo, 1968. 160 s.
10. Kolesov E. N. 13 vrat jezoteriki. Istorija jezotericheskijh uchenij ot Adama do nashih dnej = 13 gates of esotericism. A history of esoteric teachings from Adam to the present day. Penza : Zolotoe sechenie, 2009. 244 s.
11. Kuznecova I. N. A. M. Gor'kij i N. K. Rerih = A.M. Gorky and N.K. Roerich // Maksim Gor'kij na poroge XXI stoletija / Gor'kovskie chtenija, 1998 g. Tom II. Nizhnij Novgorod : NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2000. S. 223 – 227.
12. Ledneva T. P. Problema pojetiki rannego M. Gor'kogo v kriticheskom i istoriko-literaturnom osmyslenii 1920-2000-h gg. (stat'ja vtoraja) = Problems of early M. Gorky's poetics in critical and historical-literary reflection in the 1920s-2000s (second article) // Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3. Istorija i filologija. Izhevsk : RIO UDGU, 2008. S. 109–122.
13. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve = A.M. Gorky's private library in Moscow / Opisanie v dvuh knigah. Moskva : Nauka, 1981.
14. L. N. Tolstoj. Perepiska s russkimi pisateljami = L. N. Tolstoy. Correspondence with Russian writers: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987.
15. Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. = Evil, unknown and holy power. Sankt-Peterburg : Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg. 1903. 530 s.
16. Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut: semejnij diskurs russkoj i mirovoj literatury = Unexpected, like a flower above the abyss, family hearth and comfort: the family discourse of Russian and world literature: kollektivnaja monografija / nauchn. red. E. M. Boldyreva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 271 s.
17. Perepiska A. N. Tolstogo = A.N. Tolstoy's correspondence: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989.

18. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

19. Prishvin M. M. Nashi berega / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569 /N. N. Zamoshkina /. op. 1. ed. hr.535. l. 3 = Prishvin M. M. Our Shores / from the book "Art as a Way of Behavior" RGALI. f. 2569 / N. N. Zamoshkina /. inventory 1. storage unit 535. p. 3.

20. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. Manuscript Department. State Public Library n. a. M.E. Saltykov-Shchedrin. Remizov Fund. No. 634. 1. storage unit 175.

21. Rerih N. K. Iz literaturnogo nasledija = From the literary heritage / pod red. M. T. Kuz'minoy. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. 534 s.

22. Rerih N. K. Pis'mo V. F. Bulgakovu ot 10 oktjabrja 1947 g. = A letter to V.F. Bulgakov of October 10, 1947 // Bulgakov V. F. Vstrechi s hudozhnikami. Leningrad : Nauka, 1969. S. 290 – 291.

23. Spiridonova L. A. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost' = True Gorky: myths and reality. 2-e izdanie, izmen. Nizhnij Novgorod: OOO «BegemotNN», 2016. 384 s.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 04.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023